

Драко

Кровь человека

...Блаженство рая я оставлю для нищих
У нищих духом должен быть Царь и Бог
Я – тварь земная и на небе я лишний
И к черту вечность, какой в ней прок?

Пускай я должен испытать муки ада
Пускай толпа на казнь бежит со всех ног
Мне крики ненависти станут наградой
Я буду в смертный час не одинок...

«Ария»

Холодное зарево в высоте наливалось цветом. Бирюзовые, салатовые, аметистовые точки на далеких склонах гор, с каждым часом, сияли все ярче. Бешеная круговерть облаков на закате слегка замедлялась; изредка, в разрывах туч, счастливым на краткие мгновения являлось мифическое Ожерелье.

Как всегда, перед заходом Солнца городская жизнь затихала. Лавки торговцев скрывались от мрака за толстыми, коваными ставнями, в домах зажигались факелы, у ворот богачей незаметно вырастала охрана. По всей длине массивных, темно– красных городских стен открывались бойницы. Ночные твари редко нападали так рано, но стражники уже выкатывали скорострелы на башни. Всем помнился прошлый закат..

Главные ворота еще не закрыли; последние путники, отчаянно нахлестывая коней, спешили укрыться в городе. Тех, кто, все же, не успевал, на первой и второй Южной башнях ожидали подъемные клетки. Вдоль старого торгового тракта, изредка, встречались укрепленные, усыпанные шипами и лезвиями убежища; считалось, они могут спасти жизнь глупцам, неверно рассчитавшим свой путь. В действительности, такого еще не помнили.

У главных ворот уже некоторое время, нервничая, взад– вперед ходила девушка

в длинном клетчатом сарафане. Невысокая, веснушчатая, лет двадцати пяти, с овечьими глазами и вытянутым не слишком-то милостивым лицом. Ее соломенные волосы торчали во все стороны, как неумело связанный сноп сена.

– Мы больше не можем ждать, – уговаривал девушку начальник стражи, пожилой стрелок по имени Самрат. – Прости. Ворота закрываются.

– Умоляю! – она схватила солдата за руку. – Он вернется! Я знаю!

– Началась долгая ночь, – тяжело отозвался Самрат. – Крепись, Глен. Такое с каждым может случиться в наших краях.

– Деррек вернется, – упрямо, не замечая слез, твердила девушка. – Он уже мчится к городу, я чувствую. Еще немного, молю, дайте нам шанс!

Самрат крикнул.

– Иди на Южную Угловую, женщина. Там клеть. Коли вернется твой Деррек, там его и встретишь.

– Еще минуту! – девушка повисла на руке стражника. – Минуту! Я знаю, я...

– Тихо! – воин внезапно насторожился и резко поднял голову. – Слушайте!

Стражники застыли. В полной, возможной лишь на закате тишине, откуда-то сверху – из невообразимой дали – донесся едва слышный, низкий раскат грома. Но люди сразу ощутили, как чудовищная, совершенно непредставимая мощь, скрытая в этом звуке, вдавливают их в землю. У всех моментально заложило уши, исполинские тысячетонные каменные глыбы городской стены заметно дрогнули. Бледные, с посеревшими лицами, солдаты переглянулись.

– Что происходит? – выдавила соломенноволосая девушка.

Самрат бросил на нее испуганный взгляд.

– Не знаю... – прошептал стрелок.

– Такое раньше бывало?! – с ужасом спросил другой воин.

Бледный ветеран развел руками.

– Не на моей памяти...

По всей стене уже вспыхнули факелы, люди выбегали из домов. На темнеющем закатном небе, где-то за тучами, медленно гасло белесое зарево.

Гром был слышен не только в городе. Милях в десяти от ворот, на берегу небольшой речушки, бледный Деррек смотрел в небо. Он так увлекся охотой, что

совершенно забыл о времени!

Сглотнув, Деррек облизал пересохшие губы. Бросить телегу, снаряжение, верную добычу, и спешить в город? А что они с Глен будут есть Долгой Ночью, если он не добудет хоть одного зверя?

Охотник с ненавистью перевел взгляд на добычу. Тупая тварь, ее пришлось выслеживать больше суток! Хорошо хоть, теперь зверю деваться некуда... Дракон у водопоя не замечал угрозы. Деррек такого еще не встречал; янтарно– золотой, остромордый, ящер был совсем невелик – с лошадь, он казался грациозным и хрупким. Неужели детеныш?

Найти бы логово... М– м– м, даже мечтать приятно... Ох, не опоздать бы к закрытию ворот! Деррек смерил взглядом необычного крылатого ящера. Крыльями обладали все подвиды драконов, включая самых редких и ценных громорыков, но летать не умели; даже когда им вскрывали глотки, звери лишь глупо хлопали короткими крылышками да булькали, захлебываясь кровью. Однако эта янтарная ящерица выглядела подозрительно летучей. Поджарый, мускулистый, дракон был похож на газель – в нем чувствовалась сжатая энергия. Нет, решил Деррек; риск того стоит. Летучий дракон – слишком редкая добыча, чтобы ее бросать, а что до логова... Придет весна, тварь, мысленно обещал охотник, и я вернусь навестить твоих братиков да сестричек!

Приняв решение, Деррек осторожно, бесшумно потянул из колчана тяжелую стрелу– «секач», с широким серповидным наконечником. Главное – порвать крыло. Дракон стоял к нему боком, безмятежно и тупо лакая воду. Губы человека, невольно, тронула улыбка при мысли о комедии, которая сейчас начнется.

Так и не издав ни звука, охотник наложил стрелу на тетиву, прицелился и, с выдохом, поставил точку в бессмысленной жизни ящера. Деррек был опытным стрелком, промыслом драконов занимался уже несколько лет и хорошо знал, чего ждать: глухого удара, визга, прыжков, конвульсий, а иногда – сразу падения тяжелого тела, если болевой шок оказывался слишком силен. Случались, конечно, и промахи; но гнаться за драконом в лесу куда легче, чем за оленем...

Рука охотника не дрогнула и в этот раз, стрела помчалась к плечевому суставу янтарного ящера. Ударила прямо в цель – широченный секущий наконечник должен

был разорвать сухожилия и мышцы до самой кости, отбросить зверя на пару шагов и глубоко вонзиться ему под крыло, в самую болезненную точку любого дракона. Однако произошло нечто удивительное; стрела, не встретив никакого сопротивления, будто провалилась в тушу золотистого ящера и исчезла. На миг, изумленному Дерреку показалось, что он расслышал сухой треск – так ломается древко, если выстрелить в камень.

А в следующее мгновение, грациозный дракон вдали замерцал, потускнел и... угас. Охотник же, с ужасом, ощутил, как могучая чешуйчатая лапа схватила его сзади за шею и, буквально, впечатала в землю.

Деррек был потрясен, но среагировал мгновенно: рванул с пояса нож, попытался полоснуть зверя по лапе. Оружие отобрали грубо и безжалостно, поранив пальцы. Дракон взглянул на широкое прямое лезвие с двумя канавками, крутанул нож когтистыми пальцами. Рывком метнул в соседнее дерево, вогнав до рукояти.

Продолжая хранить молчание – ни рыка, ни шипения – зверь вывернул охотнику руки, наступил на них, а ноги обвил мускулистым янтарным хвостом. Деррек закричал, чувствуя, как его вытягивают, будто на дыбе. Хруст, захлебывающийся вопль. Оставив выдернутые из плеч, уже бесполезные руки, дракон последовательно крутанул за ступню каждую ногу охотника, переломив коленные суставы, и лишь затем отступил, бросив на земле обездвиженную, хрипящую добычу.

Дальнейшее Деррек почти не видел – от боли мутилось в глазах. Сквозь кровавую пелену, охотник урывками замечал дракона. Тот, кажется, что-то укреплял на его голове... За ушами... Ремни... Острая боль в затылке! Деррек открыл рот в безмолвном вопле, но зверь уже закончил монтаж и включил пенетратор. Охотник издал последний булькающий хрип.

Некоторое время дракон, молча, разглядывал слегка подрагивающий труп. Жужжание пенетратора быстро сменилось тонким посвистом сервомоторов, в остеклевенных глазах охотника разом лопнули сосуды. Крылатый посмотрел на часы.

До окончания сканирования оставалось изрядное время, и дракон решил изучить снаряжение человека. Аккуратно срезал когтями одежду, пояс. Обнюхал. Конским потом не пахло, значит, гад приехал в повозке. На охоту за двухтонной добычей не ходят пешком. Подчиняясь мысленной команде, от небольшого

приборчика, закрепленного на левом роге дракона, отделился миниатюрный дрон величиной со стрекозу. Крылатый вызвал на сетчатку изображение с его камеры.

Зарево за облаками еще не угасло, деревья отбрасывали холодные люминесцентные тени. Лес, припорошенный первым инеем, выглядел сказочно. Дракон невольно скрипнул зубами, подумав, сколько еще охотников могут скрываться под бесконечным, уходящим за горизонт изумрудным покрывалом. Сканирующие мини-спутники, которые крылатый запустил вчера, еще не успели составить полную биокарту материков, но уже сейчас в графе «число обнаруженных драконов» мигала семизначная цифра. Работа предстояла долгая, непростая и жестокая.

Дрон-стрекоза уже нашел транспорт Деррека, большую двуконную телегу, почти черную от засохшей крови. Лошади, спокойные и флегматичные тяжеловозы, мирно щипали травку поодаль; человек их выпряг, а значит, не собирался быстро вернуться. Осмотр телеги вблизи и спектральный анализ подтвердили изначальную догадку: дракону попался охотник на драконов.

Крылатый бросил на труп недобрый взгляд. До окончания сканирования оставалось минут пятнадцать, придется потерпеть. Ничего... Терпеть он привык. Видит Солнце, он натерпелся за целую планету вперед.

Дрон подал сигнал, что в радиусе километра обнаружен местный дракон. Крылатый встрепенулся; повинувшись его невысказанному желанию, механическая стрекоза с места развила сверхзвуковую скорость и, спустя мгновение, зависла над обнаруженным родичем. Тот -заметно более крупный, грузный, с недоразвитыми крохотными крыльями и матовой чешуей – сидел в траве перед упавшим деревом и тупо, как корова, терся о кору мордой. Дрон сообщил, что поверхностная томография головного мозга предполагает интеллект на уровне лягушки.

Янтарный дракон с болью опустил веки. Что ж... Он привык и к такому. За долгие века странствий, ему довелось повидать всякое. Драконы-животные, на которых охотятся – совсем не худший вариант. Куда страшнее, когда охотятся не на животных...

Резко дернув хвостом, крылатый отправил дрону приказ возвращаться, а сам вызвал на сетчатку интерфейс управления спутниками. Их искусственный разум был настроен на идеальную гармонию с хозяином, так что дракон и его техника понимали

друг друга с полумысли. Вот и сейчас, уловив желание, спутники моментально продолжили цепь рассуждений и, одновременно с драконом, сформировали задачу; ее решением им предстояло заняться самостоятельно.

Усевшись на хвост, крылатый закрыл глаза. Он много раз пытался обуздать в себе чувства, испытал большинство умиротворяющих и расслабляющих техник, глубоко изучил йогу, дзен, тектонитовый массаж, десятки прямых и косвенных воздействий на мозг. И с каждой неудачей, все яснее понимал – дело не в разуме. Не в знаниях. Не в логике. Единственное подходящее слово, «душа», дракон пока отказывался произносить, но после стольких веков страданий, после бесконечных, изнуряющих битв, когда единственной благодарностью становилась всеобщая ненависть, а оправдания, даже мысленные, он уже давно разучился искать... Волей–неволей рождались крамольные, запрещенные думы. Волей–неволей, а иногда и во снах, обнаженным клинком вздымался вопрос: неужели?

Неужели судьба– не сказка? Неужели у каждого и в самом деле есть призвание, тот самый Путь, по которому мы не идем, но который проходит сквозь нас? Властно, жестоко. Как сверкающее копьё пронзает дракона...

Крылатый судорожно стиснул зубы, его губы искривила гримаса ненависти. Левая лапа, невольно, дернулась к груди – там, на крохотную чешуйку ниже сердца, темнел давно заживший шрам. Такой же имелся и на спине, чуть правее хребта, у девятой, считая от рогов костной пластины.

Дракон зажмурился. В первую секунду боль не чувствуешь, только удар, вернее, сильный толчок. Затем, по телу внезапно проходит судорога и проскакивает сжигающий, острый болевой фронт. А вместе с ним, всегда – леденящий страх. Ты вдруг понимаешь, что произошло немыслимое. Ты дергаешься, мозг силится осознать, а в груди уже лопается вулкан, ты пытаешься вдохнуть, тело подводит – и вот тут, в этот миг, на поверхность выплескивается первобытный звериный ужас. Лапы беспомощно хватаются за липкий от твоей собственной крови металл. Крылья судорожно изгибаются, ноги больше не держат. Ты открываешь пасть, чтобы закричать, но слышишь только бульканье из своего горла, и вдруг понимаешь, что лежишь на боку, в агонии дергая хвостом, и мир вокруг гаснет, и это – действительно конец. И скоро про тебя кто-то скажет: «гляди, мертвый дракон».

Крылатый медленно, с силой выдохнул. Все проходит. Уж если он чему и научился за годы борьбы – так это терпеть боль. Время лечит любые раны, но никогда – никогда! – не позволяет шрамам исчезнуть. А память, злобная, беспощадная гиена, только и выжидает момент...

Дракон вздрогнул. Неожиданный выплеск кошмара из детства застал его врасплох, он даже не обратил внимания на сигнал «сканирование окончено». Встряхнувшись, крылатый свирепо клацнул зубами и, рывком, встал на ноги.

Его взгляд упал на мертвого охотника. Могучие крылья с громом хлопнули друг об друга, взвихрив снежинки и листья. Дракон расправил плечи, вскинул голову, распахнул небу объятия. Из груди рванулся ликующий рык.

Выпустив когти, ящер начал Грозовой Танец. Музыка играла в его душе, он слышал ее каждой клеточкой, каждым атомом могучего тела. Топая в такт призрачной мелодии, крича и ударяя хвостом, он рубил воздух крыльями, отдавая дань уважения своим праотцам. Дракон бросал вызов циничному миру, где доблесть давно принесли в жертву выгоде, а пляску Воинов исполняли лишь на потеху жирным туристам.

Энергия и ликование переполняли ящера. Он жаждал битвы. Танец ускорился, крылатый рвал тишину когтями,пил ее кровь, он кричал, зная, что другого такого мига не будет. Лишь единожды в каждом мире дракон исполнял боевой танец; последняя нерациональная, бесполезная уступка эмоциям. Но ему становилось легче.

Ритуал завершился прыжком, и дракон замер на всех четырех лапах, припав к земле, сложив за спиной крылья и вытянув хвост. Он тяжело дышал, пасть была распахнута, глаза горели.

Медленно возвращался разум. Счастливо вздохнув, крылатый выпрямился, дрожа от предвкушения. Чешуя сверкала янтарным блеском, небесное зарево отражалось в драконе мириады раз. Кассета с отсканированной матрицей пахла человеческой кровью.

Немного подышав сладким запахом, дракон вставил ее в дешифратор на запястье; мнемонт, привинченный к правому рогу, отозвался уютным желто–оранжевым огоньком.

Безумным смерчем взвихрились наночастицы, пожирая деревья, траву, мертвого человека. Могучее крылатое тело развеялось в воздухе, словно морок, дракон слился с

вихрем, став чистым разумом, сгустком информации, личностью без носителя. Если душа все же есть, если судьба – не сказка... Где они сейчас? Где, в каком созвездии искать справедливость?!

Когда-то, века назад, дракон ее так и не встретил. С тех пор он твердо запомнил: справедливость искать бесполезно. Ее, как трансурановых элементов, в природе не существует.

Но если трансурановые элементы получают искусственно, поливая уран звездопадами тяжелых частиц, то для рождения справедливости – поливать надо кровью.

Справедливость такая скользкая штука, что запаха долго не держит.

...Ты мог родиться совсем в иных краях

Где нет решеток, и не строят плах

Где женщины не плачут, и не прячут лиц

Где дети не хотят играть в убийц...

Ангел смерти будет здесь, когда начнется бой

Он толкнет тебя на штык и заберет с собой

«Ария»

Вспышка бесцветного пламени озарила тучи, вспорола мглу жестким наждачным воплем. Мгновение – бесконечно – ветвистое слепящее дерево простерлось до горизонта, плава на своем пути воздух – и все закончилось. Раскаты грома умчались к далеким равнинам.

На востоке, в агонии гибнущих теней, медленно и беспощадно светлело небо. Уже проступила изломанная линия гор, черная на темно – лиловом. Много ли времени осталось до рассвета? Час? Два?

Хорт ощущал могильный холод внизу живота. Руки дрожали, скользили по камням. Годфри, карабкавшийся следом, уже не раз спасал его от падения в пропасть.

Спасал ему жизнь... Хорт подавил дикий, сумасшедший смех. Его затрясло, пришлось остановиться и вжаться лицом в холодную скалу. Лоб жгло огнем.

– Сколько осталось? – выдавил он, не оборачиваясь.

Годфри устало прислонился к ноздреватому влажно– серому склону. Лазить по горам в его возрасте было уже не так просто.

– До рассвета? Час, полтора.

– Мы не успеем!

– Должны успеть, – хмуро отозвался Годфри.

Хорт сглотнул.

– Знаешь, слухи ходят, в Аграт везут черных дикарей с островов... – сказал тихо.

– Их и людьми-то не назвать. Скоро начнут продавать в открытую...

– Эй! – резко оборвал Годфри. – Заткни пасть, пока не наговорил лишнего!

Хорт заставил себя оторвать от скалы пылающий лоб. Из четырех ярких линий, горевших под кожей, три уже покраснели. Последняя, синяя, лихорадочно пульсировала, как и на лбу у Годфри.

– Лишнего? – яростно переспросил Хорт. – Ты и на смертном одре не откроешь глаза? Цыгане похищают младенцев и продают их прямо в городах, можешь купить лишний год всего за три десятка золотых! Тюрьмы опустели, за любой проступок тебя отдадут прыщавому знатному отпрыску или его папаше. Чумных да прокаженных ценят, как драгоценные камни! Кем ты расплачивался последние десять лет, а, кузнец?

Годфри криво усмехнулся.

– Подонками вроде тебя. А ты? Кем покупал отсрочки?

Хорт закрыл глаза.

– Кем удавалось, – выдавил через силу.

– Сплошь чумными да прокаженными? – фыркнул Годфри.

– Не погань мой последний рассвет.

– У меня в запасе еще парочка, – с угрозой заметил Годфри, положив ладонь на рукоять кинжала. – Продолжишь скулить, будь уверен – предпочту синицу в руках.

Хорт с силой втянул воздух.

– Исполнишь уговор?

– Кажется, мы все обсудили.

– Просто хочу напомнить, кузнец: так нам обоим выгоднее!

Годфри усмехнулся. Его гладкие седые волосы ниспадали ниже плеч, обветренное лицо до сих пор хранило черты суровой мужской красоты. На голову

выше худосочного моложавого спутника, он был широкоплечим, тяжким на руку и скупым на слова.

– Не трать время. Отдохнул?

Хорт страшным усилием воли заставил себя кивнуть, у него мутилось в глазах. Годфри некоторое время смотрел, как напарник дрожащими пальцами ищет, за что уцепиться, наконец сплюнул и, рывком, подтащил его к себе.

– Очнись! – прорычал Годфри. – Я не справлюсь в одиночку! Жить хочешь? А? Как раньше, до старости? Хочешь?

Хорт сглотнул.

– Я... Я сейчас, – сумел он выдавить. – Сейчас... Все пройдет, дай минутку подышать. Сейчас. Всего минутку.

Годфри с трудом подавил ругань. Отпустил напарника, нехорошо улыбнулся:

– Жду.

Хорт зажмурился. Сердце так колотилось, что во мраке сомкнутых век пульсировали красные пятна. Страх смерти душил, морозил кровь. Вязал ноги терновыми прутьями.

– Ну? – нетерпеливо позвал Годфри. – Отошло?

Хорт с силой выдохнул сквозь сжатые зубы.

– Почти, – он стиснул кулаки, ногти впились до крови. – Все, я готов.

Годфри кивнул на скалу. Хорт, с раздувшимися от ярости ноздрями, вцепился в камни и лихорадочно, обдирая ладони, полез вверх.

К тому времени, как они добрались до пещеры, тучи на крайнем востоке уже окрасились пурпуром. Хорт все воспринимал отрешенно, будто сквозь подушку; Годфри тащил его вперед чуть ли не волоком. Оба были измотаны и покрыты грязью.

У зияющей черной дыры в светлое будущее, Годфри оттолкнул напарника и сбросил со спины мешок. Из пещеры несло гнильем да рыбной вонью, камни перед отверстием были замызганы чем-то тошнотворным. Вполголоса ругаясь, пожилой кузнец вытащил лезвие, привинтил складное древко. Хорт судорожно дышал.

– Не успеем, – выдавил он, дрожа. – Солнце уже встает...

– Коли бросишь скулить, времени хватит! – прорычал Годфри. – Ну? Давай! Я следом! Да убедись, что зверь все видит!

– Темно... – прошептал Хорт, не в силах отвести глаза от пещеры.

– Ох, ***** ты *****ый! Пошел! Ну! Пошел!

Сглотнув, Хорт с трудом кивнул и бросился во мглу. Годфри зажмурился. Раз... Два... Три... Парень уже, наверно, отыскал дракона... Четыре... Пять... У зверя должны быть открыты глаза, иначе не сработает... Шесть... Семь... Хорт, гаденыш пришлый, ну почему именно его угораздило разведать, где логово... Восемь... Девять... Пора!

– Смерть!!! -заревел Годфри, взмахнув гарпуном. – Смерть драконам!!! Смерть проклятым!!! -топая и завывая, будто раненный мамонт, он устремился в пещеру.

Вонь внутри ударила по ноздрям не хуже плети, человек даже споткнулся. Глаза, привыкшие к мраку за время ночного восхождения, быстро адаптировались – по счастью, мерзкие грибы, что лепились к своду и стенам, слабо фосфоресцировали. Впереди, за поворотом, уже слышалось недовольное урчание разбуженной рептилии.

– Смерть!!! – еще громче заорал Годфри и выскочил из-за скалы со вскинутым гарпуном. Ну? Хорт, пора! Дракон смотрит!!! Что ж ты замер, гаденыш?!

– Сейчас убью! – рявкнул Годфри, сам не зная, кому кричит – дракону, что валялся у дальней стены овального грота в куче грязи и нечистот, или оцепеневшему при виде рептилии напарнику. Тот обернул к кузнецу бледное лицо.

– Сей час я убью дракона, а потом и тебя, предатель!!! – проревел Годфри, размахивая гарпуном. До Хорта, кажется, наконец дошло: судорожно сглотнув, он обернулся к зверю спиной и воздел руки:

– Не смей трогать бедное создание... – проямлил дрожащим голосом, закашлялся, утер губы. – Прочь...

– Ты защищаешь дракона?! – возопил Годфри. – Предатель! Смотрите все! Он защищает дракона!

Хорт с трудом шагнул вперед:

– Убирайся!

Годфри, изображая страх, уронил гарпун и попятился. Хорт сразу осмелел, даже отыскал в себе силы повелительно указать на выход из пещеры:

– Изыди! Я спасу невинное создание!

– Будь ты проклят! – прорычал Годфри. Пятясь, он задом выбрался из овального

грота и затаился в проходе; на какое-то время воцарилась тишина.

Хорт подождал для верности еще минуту и обернулся к дракону. Тот, довольно толстый, с крохотными недоразвитыми крыльями, так и не поднялся с грязных камней. На уродливой остроконечной морде ничего не отражалось, блеклые рыбы глазенки тупо смотрели на человека. Встретив взгляд своего спасителя, дракон медленно и беззвучно приоткрыл пасть, да так и застыл, неподвижно– холодный, как все родичи крокодилов. В его глотке тошнотворно белела вялая склизкая плоть.

– Ящер?.. – робко позвал Хорт. – Я спас тебя от охотника...

Дракон не шевелился. Растерянный и окончательно утративший силу воли, Хорт лихорадочно схватился за пояс, вырвал блестящий кинжал. В клинке отразились три красные линии.

– Но... Как же так... – человек упал на колени, с непередаваемым ужасом глядя на зверя. – Я спас... Ты должен... Снять заклятие... Я...

В гроте прозвучал негромкий утробный хруст. Тело Хорта страшно дернулось, он рывком запрокинул голову, ломая в агонии шейные позвонки. На мгновение, Годфри из своего укрытия успел заметить четыре плавающих алых полоски – а в следующий миг свечение угасло. Труп с глухим стуком рухнул на камни.

Некоторое время царила тишина. Наконец, дракон медленно сомкнул пасть, уложил голову на передние лапы и замер, утратив к происходящему интерес. Годфри молча вернулся в пещеру.

Подняв гарпун, он уперся древком в пол и тяжело, бессильно, опустился на колено у тела напарника. Сердце в груди колотилось неровно, покалывало.

– Хорт... – бессильно пробормотал Годфри. – Что б тебя...

Парень лежал на спине, раскинув руки. Глаза уже потускнели, пальцы скрючила последняя судорога. На лбу покойника, теперь навсегда погасшие, темнели четыре красных рубца.

Годфри зажмурился. Вот и все, пронеслась мысль -за два оставшихся ему дня с горы не спуститься. Опоздал. Рискнул всем, сыграл ва– банк. Проиграл.

Шмыгнув носом, Годфри хрипло выдохнул и поднял голову. Дракон так и не шевельнулся.

– Я хочу убить тебя, – тихо, с ненавистью произнес человек. – Ты понял бы это,

если б имел в башке хоть что-нибудь, кроме дерьма. Я страшно, всем сердцем хочу тебя зарезать.

Годфри в бешенстве стиснул рукоять гарпуна.

– Мне плевать, что я помру в тот же миг. Но вместе с тобой подохнут все люди на сорок миль окрест, а это несправедливо. Не должны людидохнуть из-за раздутой лягушки.

Дракон лежал без движения, его глаза– стекляшки не мигали. Годфри с трудом поднялся на ноги, пнул тело Хорта. Сплюнул. Рука, по привычке, потянулась ко лбу, где в такт сердцу колотилась последняя синяя черточка. Пульсировать ей оставалось недолго.

– Что ж тебе не понравилось, тварь? – процедил Годфри сквозь зубы, – Что мы сделали неправильно?

Судорожно стиснув челюсти, человек закинул гарпун на плечо и направился к выходу из пещеры. Дракон за ним не пополз – они, даром, что обладали внушительным набором рогов и шипов, как и все рогатые звери не были хищниками.

На замызанной площадке у входа, пожилой кузнец немного постоял, дыша всей грудью. Солнца видно не было; тучи скрывали от глаз горизонт, но рассвет уже наступил, иначе Хорт был бы жив. Мягкий серебряный свет струился с небес, горный воздух пьянил кровь.

Годфри чуть не скрутило от мысли, что послезавтра, в это же время, у него отберут красоту мира. Бросят на камни, скрюченным в судороге, выдавят из груди воздух. Вручат на попечение стервятникам. Это сводило с ума, хотелось выть, рычать, терзать чью-то плоть. Прежде, до... До... РАНЬШЕ, Годфри Торнтон был знатным зажиточным кузнецом, из тех, кому давно нет нужды брать в руки молот -за мастера, в пяти разных кузнях, потели ученики. Кому мешало его маленькое, но прибыльное дельце? Кому он нес зло?

О драконах Годфри прежде и не вспоминал. Мало ль зверья водится в пышных лесах Севера! Да, у него был ремень из драконьей кожи, ну так злосчастливого ящера-то ведь не он порешил! А потом... На праздновании конца Долгой Ночи...

Скрипнув зубами, Годфри оперся о гарпун и медленно обвел взглядом пейзаж. Оглянулся на зияющую черную дыру на спине, нахмурил брови. Что-то во всем этом

было чертовски неправильно.

– Погоди– ка... – кузнец вскинул гарпун на плечо и подошел к краю скалистой площадки. Осмотрел обрыв, присел, в глубокой задумчивости провел рукой по камням.

– Ты ж не умеешь летать, – пробормотал Годфри, оглянувшись на пещеру. – Каким хреном ты устроил тут логово?

Он вспомнил рыбную вонь и сильно вздрогнул. Рыба. Драконы не едят рыбу – они травоядные. А пусть бы и ели; до ближайшего озера много миль, местные жители заприметили бы огромного неуклюжего зверя давным– давно! Как Хорт вообще про него узнал?

Десять лет назад, после первых массовых смертей, когда люди поняли, чем грозит убийство дракона, всех рептилий по приказу короля отловили живыми и вывезли в пустыни, где те благополучно передохли от голода и жажды. Вокруг на сотни миль не было деревень, так что проклятие сработало впустую. Лишь много позже, совершенно случайно, стало известно о главной тайне драконов – если спасти хоть одного от смерти, линии во лбу гаснут. Целые армии рванулись на поиски последних ящеров, но отыскать не сумели даже их костей. Драконы вымерли...

Годфри сглотнул, сообразив, откуда в почти недоступной горной пещере могла взяться рептилия. Лихорадочно смастерив факел из полоски материи и гарпуна, он бросился обратно.

Дракон все так же валялся в пропитанной нечистотами грязной луже. Но только сейчас, при свете факела, Годфри заметил вделанную в скалу цепь и кольцо, стягивавшее основание его шеи. Опытный взгляд кузнеца моментально определил и металл – бронза.

– Ох ж ты... – Годфри судорожно стиснул зубы. Значит, не ввали слухи. Значит, и впрямь есть находчивые мерзавцы, отловившие для себя дракона и делающие на нем состояние. Кузнец хрипло выдохнул.

Люди давно шептались, что несколько ящеров томятся в секретных темницах под королевским замком. Что сам король и его свита давно избавились от проклятия, а рубцы на лбу носят фальшивые, дабы простолюдины не взбунтовались. Прежде, Годфри с презрением смеялся над глупыми байками, но теперь... Какая же сволочь должна быть...

Пожилой кузнец совсем иначе взглянул на зверя. Тот бессильно лежал на камнях, тусклую чешую покрывала корка засохшей грязи. В пустых глазенках ничего не отражалось, но само поведение дракона позволяло предположить, как с ним обращались «хозяева». Годфри огляделся.

Свет факела вырвал из тьмы много деталей, ускользнувших от взгляда при первом посещении. Вот сноп жухлой травы для ящера, вот гора рыбьих костей. В дальнем углу пещеры воняла гниющая куча дохлых рыб; Годфри подошел ближе и ясно ощутил, как в жилах стынет кровь. Сердце ударило глухо, в глазах помутилось. Он только сейчас понял, что рыбой кормили не дракона.

То были остатки трапезы хозяина пещеры.

Судорожно стиснув гарпун, Годфри попятился к выходу. Кровь пульсировала у него в висках, от напряжения болела шея. Мысль о неизбежной смерти через два дня куда-то испарилась.

Кузнец почти успел выбраться на свободу, когда скалы под ногами ощутимо дрогнули, и выход из пещеры заслонила грязно– белая стена плоти. Вонь обрушилась тошнотворным потоком, Годфри оцепенел. При виде человека, зверь хрюкнул от неожиданности.

Впрочем, незванный гость озадачил горного тролля лишь на мгновение. Разинув круглую пасть, куда легко поместилась бы конская голова, гигант издал оглушительный рев. Сейчас он рванется в пещеру, грузный, тяжкоплечий, неотвратимый!

Горные тролли славились титанической силой, они швыряли булыжники размером с телегу на сотни ярдов, рвали пополам рыцарей в турнирных доспехах. Их грубые шкуры не брали ни стрелы, ни дротики. Встреча с троллем на узкой тропе обещала гибель столь же верную, как и четвертая алая линия.

Поэтому Годфри, не задумываясь, действуя инстинктивно, вогнал свой пылающий факел– гарпун прямо в разинутую пасть чудовища, пока оно ревело и не видело человека.

Длинное, любовно заточенное умелым кузнецом лезвие взрезало плоть, будто воду. Тролль подавился кровью, издал страшный булькающий звук. Дернулся – но лишь глубже насадил себя на клинок, у него выпучились глаза. Годфри судорожно

выдохнул:

– Хек! – он ухватил гарпун за древко и крутанул, заставив тролля дико рвануться. Чудовище ударилось о камни, рухнуло на колени. Стиснуло гарпун длинными когтистыми лапами.

Годфри едва успел отпрыгнуть, как тролль вырвал из пасти клинок. Кровь забила фонтаном, зверь упал на бок, попытался встать. Кузнец, подхватив гарпун, нанес второй жестокий удар ему в морду.

Тролль забился, харкая кровью и дико размахивая лапами. Бросив оружие в его теле, Годфри успел отбежать вглубь пещеры, когда гибнущий великан в агонии нанес страшный удар по каменной стене.

Скалы содрогнулись, по своду прошла трещина. Булькающий крик тролля внезапно прервался громом обвала, взрыв темной крови залил Годфри лицо. Спотыкаясь и скользя, человек каким-то чудом успел добежать до драконьего грота, а в следующий миг коридор обрушился. Годфри, задыхаясь, упал в грязь.

Пришел в себя нескоро. С огромным трудом сел, протер глаза от вонючей трольей крови. Недоуменно взглянул на блестящие, мокрые ладони. В пещере царил почти кромешный мрак, но привычного алого отсвета на коже видно не было.

– Какого?.. – Годфри судорожно дернулся и схватился за лоб. Ощупал, сглотнул, ощупал еще раз. Пальцы напрасно искали пылающие рубцы. Ошарашенный человек обернулся к дракону.

– Светлое небо...

Годфри упал на колени и дико, как ненормальный расхохотался. Повалился на бок, дергаясь, царапая камни. Он спас жизнь дракону. Избавился от проклятия. Теперь он не умрет через два дня. Он умрет уже завтра, задохнувшись в крохотной замурованной пещерке.

– Ох ж мать вашу... – Годфри перекатился на спину и раскинул руки. Его трясло. Закрыв лицо ладонями, пожилой кузнец на долгую минуту застыл, успокаивая сердце.

Когда шок слегка отпустил, Годфри заставил себя сесть. Дракон молча смотрел на человека тусклыми бесцветными глазами, его крохотные крылышки слабо подергивались.

– Ну... – кузнец почесал в затылке. – Типа, спасибо.

Дракон отозвался, беззвучно приоткрыв пасть. Годфри, вздохнув, подошел к темневшей на месте выхода горе камней.

– Попали мы с тобой, зверюга... – пробормотал он под нос. Разбирать завал не стоило и пытаться. Кузнец посрывал со стены несколько светящихся грибов и связал их в пучок. Получилось жалкое подобие факела.

Годфри обошел пещеру по периметру, внимательно изучая стены и пол. Ничего интересного обнаружить не удалось, поэтому человек вернулся к дракону и уселся рядом, облокотившись о холодную скользкую чешую. Зверь приподнял голову.

– Да... Я тоже не ожидал, – буркнул Годфри. Бросив взгляд на тело Хорта, до сих пор лежавшее рядом, пожилой кузнец поморщился.

Передохнув пару минут, он нехотя подтащил покойника ближе и принялся за обыск. Флягу с водой сразу отложил, кошель полетел в сторону. Из оружия у Хорта нашелся только кинжал да подлый складной нож за голенищем. Годфри уже собирался оттащить мертвеца в угол, когда заметил на его шее цепочку. Сорвал, вздрогнул.

Крохотный стеклянный фиал с ярко-синей маслянистой жижей внутри. Этот яд Годфри знал хорошо; алхимики торговали «благородной смертью» уже много лет.

В мире, где ежегодно приходилось убивать для отсрочки собственной гибели, лишать самого себя жизни считалось верхом подлости. Чтобы хоть как-то усмирять совесть, многие носили подобные медальоны. Яд в фиале не убивал; лишь полностью отнимал сознание на десяток часов. Его давали жертве, или пили сами, когда шансов ускользнуть от других обреченных уже не было. Пронзить сердце бесчувственного тела легче, чем вскрыть горло молящего о пощаде...

Годфри содрогнулся, вспомнив, как умер его старший сын. В первый год проклятия у человечества не осталось детей – ведь младенец не может отнять ничью жизнь. Седрику до срока оставалось чуть больше месяца, его новорожденной дочурке три дня. Он принял яд, наказав жене вложить клинок в ручку младенца...

Кузнец до боли стиснул зубы. Жена имела свои планы на бесчувственного мужа. Когда Годфри обнаружил мертвого Седрика рядом с тельцем новорожденной, он потратил шесть недель на поиски сбежавшей мерзавки. Нашел. Зарезал, как свинью, и получил год отсрочки.

Пожилой кузнец стиснул фиал в кулаке. Рано, пока рано. Надо выпить, когда

станет трудно дышать. Хрипло выругавшись, Годфри надел цепочку на шею и вернулся к дракону. Тот лежал молча.

– На кой ты троллю-то сдался? – мрачно спросил Годфри. – Им, небось, срок не отмерен... Никогда не видал троллей, умеющих выплавлять бронзу. Кто тебя заковал, а, зверюга?

Рептилия не отозвалась, поэтому Годфри просто подошел вплотную и опустился на колени, желая осмотреть цепь. Дракон изогнул длинную шею, сунул нос к человеку, но кузнец оттолкнул его морду, как отталкивают любопытных жеребят.

– Не мешай, – он поднес пучок грибов вплотную к ошейнику. Вздрогнул, даже отпрянул. Недоверчиво коснулся замерцавших в слабеньком свете узоров.

– Охреть... – кузнец сглотнул. Прежде, он никогда не видел артефактов даар, только слышал о них. Истребленные людьми на заре времен, даар прокляли все, что от них сохранилось. Годфри помнил байки об искателях сокровищ, терявших рассудок и начинавших терзать друг друга зубами, страшные рассказы о колдунах... Говорили, коли женщина наденет даарское кольцо – будь она хоть старухой, но породит на свет ублюдка с сиреневой кожей и глубокими, миндалевидными глазами. И если хоть раз, хоть на миг, позволить паре таких полукровок совокупиться – вновь оживет древняя раса, а с нею их магия, темная, стихийная. Все колдуны во всех сказках рождались от женщин с даарскими кольцами.

Годфри моргнул.

– Да ну, брось... – он широко раскрыл глаза и уставился на дракона. Как у них самки от самцов отличаются? Рогами? Нет, это у оленей... Вспомнил! Резко поднявшись на ноги, кузнец обошел дракона и схватил его хвост. На кончике росли три длинных шипа – центральный на полпальца короче боковых.

– Не верю, – пробормотал Годфри. Яростно почесал в затылке. Так вот почему дракон – какого хрена, дракониха! – ни разу не двинулась с места, пока вокруг бегали вооруженные люди да дикие тролли! Упасть, не встать... Да– а...

– Так ты что ж, на гнезде лежишь? – ошалело спросил Годфри. – Как наседка?!

Дракониха молча приоткрыла пасть. В ее тусклом взгляде, впервые, промелькнуло нечто похожее на мольбу. Пожилой кузнец сел прямо в грязь.

Его разум лихорадочно заработал. Теперь все ясно. Дракониху привязали в

пещере и оставили под охраной тролля. Кто-то – явно чернокнижник – рассчитывал получить от зверюги магическое потомство. Драконенка с примесью даарской крови! Светлое небо... Но откуда взялось кольцо такого размера?! Неужто, в древности сами даар занимались подобным... животноводством?!

Годфри молча поднялся и подошел к драконихе. Ухватил ее шею, напряг силы. Рептилия жалобно замычала, попыталась вырваться, но кузнецу все же удалось заставить ее отползти к стене.

На месте, где она лежала, обнаружилась глубокая выемка, полная теплой грязи. Закатав рукава, Годфри принялся шарить на дне, но этого дракониха уже не вынесла: громко зашипев, она толкнула человека носом, сбив его с ног и отбросив на пару ярдов. Пока кузнец вставал на ноги, рептилия поспешно переползла на гнездо и свернулась в кольцо.

Она не заметила или не поняла, что дело свое человек уже сделал – Годфри держал в руках большое яйцо. Идеально гладкая скорлупа была до того скользкой, что грязь сползала сама; спустя мгновение, на яйце не осталось и следов жижи. В слабом фосфоресцирующем свете было трудно различить цвет.

Годфри, переведя дух, уселся спиной к драконихе, не желая провоцировать ее лишний раз, уложил яйцо на колени. Он не слишком хорошо разбирался в драконах, но понимал, насколько странное создание готовилось вылупиться.

А в том, что до вылупления оставались считанные часы, сомнений быть не могло. Яйцо уже пару раз легонько дернулось в руках человека.

Прежде, Годфри не испытывал к драконам никаких чувств. Ни любви, ни ненависти. Смерть Хорта на короткое время это изменила, но Годфри понимал, что винить безмозглую рептилию – все равно, что проклинать упавший на ногу кирпич. Неведомый колдун, проклявший человеческий род десять лет назад, просто использовал драконов в своих поганных, необъяснимых ритуалах, и если задуматься – зверям от него досталось еще похуже, чем людям. Люди, хотя бы, пока не вымерли...

Годфри судорожно сглотнул. Королевские глашатаи уверяли, что население уже не уменьшается, но Годфри был кузнецом и хорошо умел считать. Торговцы, менялы, все знакомые с арифметикой понимали: человечеству осталось недолго. Девять лет, как заявил один алхимик, прежде, чем его разорвала толпа.

По общему мнению, вина за проклятие лежала на даар. Слишком уж ясная вырисовывалась картинка. Тысячелетия миновали с тех пор, как древнюю расу, беспощадно, вырезали до последнего ребенка. Все эти тысячелетия не утихали слухи, будто лиловокожие колдуны затаились в непролазных чащобах Южной Гассы, иль на неведомых островах океана Тоан.

А десять лет назад, пришел час расплаты... Ведь только даар обладали магией, способной навлечь на весь мир столь жуткое проклятие. Только нелюди могли мечтать об истреблении людей.

Годфри стиснул зубы. Неужто здесь, в крохотной пещерке, они с Хортом наткнулись на работу даарских тварей? Может ли быть, что кольцо на драконихе вовсе не древнее? С колдуна станется и тролля приручить, и дракона себе магического подготовить... Который за девять оставшихся лет подрасти-то и успеет!

Кузнец судорожно выдохнул. Яйцо у него на коленях дернулось еще раз, гораздо сильнее. Годфри замер: в скорлупе образовалась крохотная трещинка.

В тот же миг яйцо полыхнуло ярким зеленым пламенем. Призрачный, сотканный из света шар раздался вширь, как волна на воде от падения слезы, заполнил собою пещерку, потек по скалам. Кузнец даже не успел напугаться, как плазма втянулась в камни и вновь воцарилась тьма.

Не полная, однако: из трещины в скорлупе струился слабый, изумительной чистоты янтарный огонь. Пораженный Годфри осторожно спихнул яйцо с колен.

Трещина расширилась, сомкнулась. Треугольный кусок скорлупы чуть приподнялся – и кузнец ахнул. Весь покрытый светящейся янтарной слизью, на него смотрел дракончик.

Годфри, не в силах поверить, оглянулся на мать птенца – та молча лежала в грязи, открывая и закрывая пасть в демонстрации угрозы. Человек протер глаза. Не сразу нашел силу воли обернуться к новорожденному.

Тот уже высунул из яйца изящную граненную головку и издал тонкий писк. Годфри ни разу в жизни не видел столь прекрасного существа. Совершенный в каждой, немыслимо малой черточке, сверкающий бесчисленными янтарными искрами, малыш смотрел на человека яркими живыми глазками. Он только пришел в этот мир, но его глаза, даже сейчас, светились разумом.

Дракончик настолько не имел ничего общего с тупым животным, породившим его на свет, что кузнец нервно облизал губы. Тем временем, малыш попытался выбраться из яйца, сумел выпростать одно крыло и, внезапно, развернул его почти на ярд, озарив всю пещерку. Потрясенный человек даже попятился.

– Светлое небо... – прошептал Годфри, его трясло. Крыло сместило центр тяжести и яйцо опрокинулось, вынудив птенца издать беспомощный писк. Дракониха за спиной человека встрепенулась, замычала, принялась озираться. Она была матерью сверкающего чуда, но Годфри внезапно ощутил, что отдать ей ребенка – все равно, как бросить принца обезьянам.

А еще он понял другое... Кузнец скрипнул зубами. Если его догадка верна, если за изумительным младенцем стоит даарский чернокнижник... Позволить тварям заполучить такого дракона?..

Годфри вздрогнул: драконенок был невысказанно, нереально прекрасным. Беспомощным и невинным. Он уже окончательно разбил скорлупу, расправил огромные крылья – в пещере стало светло. Покачиваясь на слабых лапках, малыш попытался сделать первый шаг, приподнял голову и встретился глазами с человеком.

Годфри задрожал. В бездонных очах дракона он прочел только любопытство – чистое, доброе любопытство ребенка. Птенец вопросительно пискнул.

– Кто ты? – прошептал Годфри. Драконенок вновь пискнул, уселся на хвостик и обернул себя крыльями, лукаво выглянул в щелочку. Кузнец судорожно вдохнул.

И впервые заметил, что в пещере уже трудно дышать.

Паника рванулась из глубин души, подобная мутной ядовитой волне. Как всегда бывает, Годфри ощутил смерть лишь, когда та простерла над ним сухощавую длань. Человек попятился, вжался спиной в скалу. У него подкосились ноги.

Годфри задышал быстрыми, частыми вдохами, но это не помогало – кислорода в крохотной камерке оставалось мало. Он бросил ненавистный взгляд на огромную дракониху. Скоро закружится голова, в глазах потемнеет. Годфри знал, в такие минуты сознание отключается неожиданно, без всяких предвестий. Осталось совсем немного времени. Он потянулся за фиалом, но рука замерла на полпути.

Дракончик. Магический зверь достанется чернокнижнику, ведь рептилии куда живучее людей. Если даар поспеет вовремя...

Годфри стиснул зубы. Все догадки построены на песке! Он даже не знает, существует ли даарский колдун!

А если существует?

А если нет?!

Пожилой кузнец зажмурился. У него начиналось головокружение, решать надо прямо сейчас – иначе решать станет некому.

– Ты долго не протянешь в этом мире, – тихо, со страшной болью произнес человек. Сверкающий драконенок озадаченно пискнул и подбежал к нему ближе.

Годфри вынул кинжал.

– Ты все равно задохнешься через пару часов, – извиняясь, объяснил малышу. – А коли тебя и успеют спасти... Знаешь, что там, снаружи?! – рявкнул пожилой кузнец. По его обветренным щекам катились слезы.

Дракончик с тревогой поднялся на задние лапки, распахнул крылья. Потянулся к человеку в порыве утешить. Годфри отпрянул.

– Нет... Не надо... – выдохнул с болью. – Если б ты знал... Если б мог понимать... В какой мир привела тебя наша алчность...

Он всхлипнул.

– Тебя растерзают!!! – прорычал Годфри, корчась от боли в груди. – Ради обладания тобой, брат вцепится в брата, сын отравит отца! Ты был рожден нести свет, а свет убивает тьму! Ты никогда не увидишь, как тьма вокруг корчится, ты живешь в круге света! Это лишь нам, нам предначертано видеть свет, видеть без права коснуться!!! Свет гаснет, коснувшись тьмы!!!

Свирепо застонав, он ударил младенца кинжалом. Лезвие, любовно выкованное и заточенное им самим, когда-то предназначалось в подарок внучке. Именно этим лезвием кузнец вспорол горло женщине, убившей своего мужа и дочь. Клинок не подвел и сейчас.

Металл взрезал плоть, почти не встретив сопротивления. Дракончик дернулся, широко раскрыл глазки. В них, на миг, вспыхнуло безмерное удивление. Детеныш упал на колени, издал страшный, задыхающийся писк. Его лапки беспомощно скользнули по лезвию.

– Прости... – выдавил Годфри. Не в силах смотреть, он судорожным рывком

сорвал с шеи фиал, запрокинул голову и жадно выпил яд.

Умиравший драконенок завалился на бок. Изогнулся в страшной боли, последний раз взмахнул крыльями – и погас. Янтарного света, заполнявшего пещеру, не стало.

Дракониха – мать закричала страшно, надрывно, безнадежно. От вопля содрогнулись скалы. Годфри уже почти ничего не воспринимал, яд действовал быстро; сквозь мутную пелену ему мерещилось движение, нечто стремительное и могучее. Затем пришла тьма.

Очнулся он от холода. Очнулся не сразу, разуму требовалось время поверить. Над головой висело бездонно – синее удивительное небо, небо, где рядом с Солнцем горели звезды.

Годфри с трудом заставил себя сесть. Огляделся, дернулся. Он находился на небольшом скалистом плато, так высоко, что тучи стелились внизу нереальным океаном.

Рядом, спиной к человеку, на краю бездны сидел дракон. Годфри еще не видел таких драконов; поджарый, мускулистый, тот был похож на газель. В нем чувствовалась сжатая энергия, но вместе с нею – то ли в безвольно опущенных крыльях, то ли в изгибе гордой шеи – горе столь беспросветное, что у Годфри екнуло сердце.

– Я лишь сейчас узнал этот мир, – глухо, не обернув головы произнес дракон.

Человек отпрянул. Крылатый поднял когтистую лапу, коснулся своей груди – там, на крохотную чешуйку ниже сердца, темнел давно заживший шрам. Такой же имелся и на спине, чуть правее хребта, у девятой, считая от рогов костной пластины.

– Не узнал, – прошептал дракон в ужасе. – Не успел...

– Кто ты? – дрожа, спросил Годфри.

Дракон медленно обернул голову и посмотрел на человека. У того, непроизвольно, из самых глубин души вырвался возглас:

– Нет!

Крылатый молчал. Годфри попятился в безмерном страхе:

– Этого не может быть... Не может!!! Я убил тебя!!!

– Ты убил дракона, – ответил крылатый.

Он поднял свои мощные, когтистые лапы и недоверчиво на них посмотрел.

– Я не знал, что миры закольцованы, – тихо произнес ящер. – Я ничего не знал... В тот день, когда... Когда ты пронзил меня... Я был полон любви. Я был ребенком, впервые узревшим Вселенную и готовым кричать от восторга!

Он зажмурился.

– Я не понимал. За что?! Чем заслужил я такую боль?! Я лежал на камнях, истекая кровью, я ничего не понимал!

Дракон со страшной, звериной свирепостью оскалил зубы.

– Мой свет погас. Мой мир -захлопнулся прежде, чем я успел бросить на него единственный взгляд. Я ничего не понимал, но смирился. Я решил, что такова, наверно, судьба драконов – блеснуть на краткий миг и угаснуть, не познав счастья.

Он напряг крылья, вцепился когтями в скалу.

– А потом, нечто во мне изменилось. Нечто вторглось в меня извне, помешало уйти. Я открыл глаза, и увидел свою мать. Животное, лишённое рассудка, но прекрасно знавшее, что такое любовь. Она разорвала вену на шее и прижала меня к ране, заставила пить ее кровь – и я пил, пока она умирала, а я исцелялся.

Дракон взглянул в лицо человека, и того обдало жаркой, палящей ненавистью.

– Я был рожден нести свет, – едва слышно произнес крылатый. – Свет, слышишь? Я был рожден нести свет, а вместо этого, убил свою мать...

Годфри пал на колени.

– Я не хотел! – выдавил он хрипло. – Не хотел! Я боялся, что ты попадешь в лапы чудовищ, навлекших проклятие!

– Навлекших? – медленно переспросил дракон. – Чудовищ? Это я проклял людей твоего мира, как уже поступил в бесчисленных других мирах. Я ненавижу вас. Ненавижу столь страшно, что мне доставляет радость смотреть, как вы впиваетесь в горла самим себе.

Он распахнул сверкающее крыло и обвел горизонт.

– Скоро вы вымрете. От вас сохранится лишь трупная вонь, но планета омоется дождями, очистится ветром. Так уже было миллионы раз. И поскольку я вернулся домой, в мир, где был рожден – поскольку я завершил круг – вы будете последними.

Дракон встал, напряг янтарные крылья.

– Я был рожден нести свет, – сказал он сурово. – А свет убивает тьму. Вот мир,

в который меня привела ваша алчность – оглянись. Это твой мир.

Годфри закрыл лицо ладонями.

– Так... Так что же... Как же... Выходит, это был я?! – спросил он в страхе. – Я навлек проклятие?! Если б я... Не пырнул ножом ящерицу... Моя жена... Сыновья... Внуки... Все они... были бы живы?! – пожилой кузнец застонал. – Нет... Нет, нет, нет! Я не верю! Это несправедливо!

– А пырнуть ножом ящерицу справедливо? – негромко спросил ящер.

Годфри яростно закричал:

– Моей внучке было от роду меньше года! Кому успела она причинить зло?! Что справедливого в ее смерти?!

– В ее смерти было столько же справедливости, сколько в моей, – жестоко ответил дракон. – Я был точно таким же ребенком. Но в твоих глазах, погубить младенца – страшнее, чем пырнуть ножом ящерицу. Даже если ящерица разумна, невинна и прекрасна. Даже если она рождена нести свет. Она навсегда останется ящерицей, а ты человек! Ты ВЫШЕ!

Он рывком наклонился к Годфри и страшно ударил кулаком в скалу, заставив содрогнуться все плато.

– Моя мать отдала мне всю любовь, до капли, не оставив себе ничего. Это сделало животное! А твою внучку убила ее собственная мать!

Годфри сжался.

– Такие, как она, очень редки, – выдавил, задыхаясь. – Нормальная мать, не задумываясь, пожертвует собой за детей...

– Ты сам сказал это, – бешено отозвался крылатый. – Не задумываясь. Отдавшись материнскому инстинкту. Став ЖИВОТНЫМ. Так где же различие? Где? За что ты отнял у меня свет, любовь, жизнь? За что ты убил мою мать?!!

Он распахнул крылья, закинул голову к небу и исторг безумный, тоскливый вопль. Зажмурился, постоял пару секунд, дыша ледяным ветром. Солнце пылало сквозь веки, наполняло мир светом – пока закрыты глаза.

– Я хочу, чтобы ты жил, и видел, как вымрут последние люди, – глухо произнес дракон, не открывая глаз. – Я хочу, чтобы ты остался навеки один. Поэтому я дал тебе неуязвимость от любого оружия, крепкое здоровье и бессмертие. Ты не сумеешь

покончить самоубийством, никогда не состаришься и не сойдешь с ума. Ты будешь вечно скитаться по миру, где не осталось тебе подобных. Прощай, отец.

Воздух застонал под могучими крыльями – и дракона не стало. Годфри плашмя рухнул на камни.

Лежал долго, судорожно дыша. Понемногу паника и ужас прошли, уступив место жгучему, чудовищному горю. Пожилой кузнец закрыл лицо руками.

– Я его создал, – прошептал он, не в силах поверить. – Я сам...

Годфри судорожно сглотнул и рывком сел. Обернулся вослед улетевшему зверю.

– Я тебя создал, – тихо сказал человек. – Но еще не поздно.

Он вскочил. В миле отсюда, в пещере, прямо сейчас на камнях умирал дракончик. Тот самый. Кашляя кровью, корчась от боли. Не понимая, за что страдает. Он выживет – неизвестно, как, но выживет. Только в нем не останется света.

– Еще не поздно, – прошептал Годфри.

Он должен успеть. Должен вновь зажечь свет. Малыш станет его сыном, его последней звездочкой в царстве тьмы. Если постараться... Очень постараться...

Отдать ему всю любовь, до капли...

Конец